

Добрушина Е. Р., Москва

**О НОЖКАХ У СТОЛА И ЧЕШУЙКАХ НА ХВОСТЕ У КРЫСЫ
(проблема различения лингвистической и энциклопедической
информации в лексикографических толкованиях)**

Инкуб — разновидность
оживших мертвецов, имеет
обыкновение вступать в браки с
живыми. Не бывает.

Излюбленной темой теоретической лексикографии является типология словарей, при этом в качестве основного деления обычно выбирается деление на словари лингвистические и энциклопедические (см., например, [Лукьянова 2006, с. 24]). Основанием является предмет описания: в словарях первого типа описываются языковые единицы, в словарях второго — понятия. Двум типам словарей соответствуют два типа толкования — лингвистическое и энциклопедическое: слово как языковая единица должно толковаться в первую очередь с точки зрения его сигнификативного значения, а понятие должно получать научное описание. Подробность, форма, степень научности и концепция энциклопедического описания зависят от целей составителей словаря и могут сильно варьироваться. Что касается лингвистического толкования, то тут русская лексикографическая традиция предъявляет довольно жесткие требования, как минимум, такие: объем толкования должен определяться необходимым и достаточным набором признаков наивного понятия, толкование должно быть эксплицитным и не приводить к тавтологическим кругам. Впрочем, сформулированы эти требования относительно недавно: отсчет можно вести с семидесятых годов — от момента появления в научном обиходе идей, выдвинутых И. А. Мельчуком (см., например, [Мельчук 1995, с. 5-7]) и за последующие несколько десятилетий блестяще разработанных Ю. Д. Апресяном и другими членами Московской семантической школы (см., например, [Апресян 2005 и 1986]).

Ни в малейшей степени не умаляя значимости и научно-культурно-практической ценности классических толковых словарей, приходится признать, что ни в одном из них не сделана попытка последовательно соблюдать вышеперечисленные требования¹. Это не является их недостатком: все они создавались до того, как сформировался обсуждаемый научный подход, адресованы самому широкому кругу пользователей и цели составителей были далеки от последовательного описания сигнификативного значения. Но с развитием семантики пришла эпоха новых словарей. Самым ценным из создаваемых сейчас стал лингвистический словарь под редакцией Ю. Д. Апресяна – Новый объяснительный словарь синонимов [1999, 2000 и 2003]. Здесь же пойдет речь о проблемах, возникающих при попытке совместить лингвистическое и энциклопедическое толкования, не возвращаясь при этом к их неразличению, столь характерному для словарей предыдущего периода.

Начиная с 2005 года, группа филологов и богословов из ПСТГУ² начала работу над созданием специфического словаря религиозной лексики. Цель составителей следующая: описать русскую религиозную лексику так, чтобы, с одной стороны, отразить специфику соответствующего фрагмента русской языковой картины мира, а с другой – продемонстрировать особенности православной трактовки христианских понятий. Работа ведется совместно с теологами из Берлинского Университета им. Гумбольдта, русские словарные статьи будут опубликованы с немецким переводом, и параллельно будет создаваться словарь немецкой лексики, отражающий специфику протестантского и католического христианства.

Оказалось, что такой словарь для многих слов должен совмещать лингвистическое и энциклопедическое толкования, при этом строго их разграничивая. Без лингвистических толкований невозможно говорить об

¹ Воспользуюсь случаем выразить восхищение талантом и языковым чутьем одного из первых русских лексикографов: при сравнении толкований, предлагаемых русскими словарями двух последних веков, обнаруживается, что идее выделения необходимого и достаточного набора признаков наивного понятия, при всей ненаучности их формы, в наибольшей степени соответствуют толкования В.И. Даля.

² Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, Москва.

описании языковой картины мира, ср.: «Утверждение, высказанное на заре семантики и многократно затем повторенное, – о том, что семантическое описание должно отражать только релевантную информацию, а энциклопедические сведения избыточны и не нужны, например, в словарном описании, с сегодняшней точки зрения можно было бы не только полностью принять, но даже и усилить, сказав, что, в действительности, энциклопедическая информация, внесенная в лингвистическое описание, не просто дополняет избыточными деталями, а искажает реальную семантику и ту картину мира, которую предполагает язык» [Рахилина 2000, с. 24]. Но, поставив цель продемонстрировать специфику трактовок понятий каждой конфессии, без сведений энциклопедического характера также не обойтись. Поэтому было принято решение, что для всех **слов** словаря будет дано лингвистическое описание с соблюдением современных требований, а для слов, обозначающих понятия, специфические для православной конфессии, толкование будет дополнено избыточной по отношению к лингвистическому толкованию информацией, отделенной специальной пометой (например, **Энц.**). Что касается включенных в словарь **словосочетаний**, таких как *суббота акафиста* или *богослужebные книги*, то тут, по-видимому, речь должна идти, скорее, об энциклопедических толкованиях, т. к. лингвистический статус таких единиц не совсем ясен.

Тем самым, проблема различения лингвистической и энциклопедической информации стала для составителей словаря очень актуальной. Оказалось, что никакой методики, помогающей ее решать, в лексикологии не разработано, а интуиции составителей явно недостаточно. Так, на начальном этапе немецкой стороной было предложено такое толкование немецкого термина:

Abhängigkeitsgefühl (чувство зависимости) 1. *Теолог.* Религиозное понятие, возникшее на переломе 18-19 вв. и обозначающее особое отношение человека к Богу. Ф. Д. Э. Шлейермахер является автором терминов "**чувство безусловной зависимости**" и "**чувство безусловной зависимости от Бога**". **Чувство зависимости**, понимаемое как непосредственное самосознание, связано с чувством лишь **условной** свободы и лишь

условной причинности в земных отношениях. 2. *Научн.-атеист.* Определение сути религии.

В этом толковании разбиение на значения является не лингвистическим, а терминологическим: речь идет ровно об одном значении, а деление на цифры 1 и 2 – это два разных отношения к описываемому понятию при том же самом значении слова, описание которого затеряно среди энциклопедической информации под цифрой 1. При соблюдении лингвистических требований то же самое толкование должно бы было выглядеть примерно так:

Теолог. Особое отношение человека к Богу: непосредственное самосознание, связанное с чувством лишь **условной** свободы и лишь **условной** причинности в земных отношениях.

Энци. Это религиозное понятие введено Ф. Д. Э. Шлейермахером на переломе 18-19 вв., так же им введены термины "**чувство безусловной зависимости**" и "**чувство безусловной зависимости** от Бога". В научно-атеистической традиции принято представление о том, что к **чувству зависимости** сводится суть любой религии.

По сути, в первоначальном варианте толкования сделана та же ошибка, которая обыгрывается в вынесенном в эпиграф данной статьи толковании слова **инкуб** из словарика, составленного А. Приваловым – героем романа А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу». В первой фразе толкования перечислены компоненты сигнификативного значения слова (оживший мертвец с матримониальными склонностями), а вот вторая часть («Не бывает») представляет собой энциклопедическую информацию – научный комментарий самого Привалова. Если разбить это толкование на два раздела (1. Оживший мертвец... 2. Не бывает), то его структура станет примерно такой же, как первоначально предложенная для **Abhängigkeitsgefühl**. Такого рода соотношение между наивным понятием и богословским толкованием оказалось стандартной проблемой: представления «языка» и религии о существовании / несуществовании означаемого часто не совпадают. Означаемые слов **Бог, ангел, инкуб, бес** и др. языком, по-видимому, представлены как существующие,

энциклопедическое же решение будет зависеть от научной традиции. Иначе обстоит дело с другими означающими. Например, слово *молиться* не содержит информации о том, существует ли в реальности адресат действия. Вот вариант толкования для **X МОЛИТСЯ Y**: (1) X словесно или мысленно обращается к Y; (2) X считает, что Y обладает сверхъестественным могуществом и (3) властью над X.

Увидев подобное толкование, немецкие теологи выразили удивление тем, что предлагается описание с атеистической позиции. На самом деле, если атеистическая позиция говорит «не бывает», а христианская «бывает», то русский язык в слове *молиться* вообще не рассматривает вопрос, бывает или нет, а лишь вполне определенно говорит о том, каково на этот счет мнение субъекта действия.

Проблема различения лингвистической и энциклопедической информации для слов типа *молиться* не столь затруднительна, как для слов с предметными значениями. Здесь оказывается значима степень «лабильности» слова. «Лабильность» – термин, введенный Е. В. Рахилиной и обозначающий «степень связанности семантики языковой единицы с определенной ситуацией и ее участниками» [Рахилина 2000, с. 30]. Если представить лабильность слов в виде шкалы, то на одном ее полюсе будут помещаться глаголы – наименее лабильные, т. к. их семантика в очень значительной степени определяется связью с участниками ситуации, а на другом – предметные существительные. Чем менее лабильно слово, тем в большей степени его лингвистическая семантика может быть восстановлена из анализа его сочетаемости и тем проще, после проведения такого анализа, отличить признаки, образующие сигнификативное значение, от признаков понятия, поэтому проблема разделения двух типов информации для глаголов решается проще, чем для более лабильных слов. Существительные, находящиеся ближе к глагольному полюсу лабильности, то есть непосредственно связанные с определенным действием, такие, как *молитва, грех, спасение*, также оказываются более простыми для анализа,

чем предметные имена: они менее лабильны. Для большинства глаголов и связанных с действием существительных, относящихся к религиозной лексике, существует богословское толкование, возможно, являющееся предметом размышлений, дискуссий, разных трактовок, но, тем не менее, имеющее легко определяемые границы и достаточно легко отличимое от лингвистического толкования.

Но есть среди отглагольных имен и более интересные: имеющие специфическое применение в узкой области знания, но для которых использующие их специалисты не могут сформулировать четкое энциклопедическое толкование. Так, слово *скорбь* (*скорби*) регулярно используется в религиозных текстах, и возможность подстановки вместо него синонимичных *беда*, *горе*, *несчастье* очень сомнительна. В качестве уточняющих синонимов могут использоваться *печаль* (*печали*) и *трагедия*, но изолированно, как правило, используется только *скорбь*, ср.:

...мы должны помнить, что после каждой *скорби*, каждой *трагедии* приходит момент, когда Бог дает нам новую глубину души, новые силы, новое понимание жизни [Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Радость Христова (1987) НКРЯ³]

Первые строки своего исповедания... преподобный Иоанн Дамаскин начинает с изъяснения *печали*, *скорби*, неизбежной на пути к Богу. [Игнатия (Петровская), монахиня. Путешерие антифонов (1960–1962) НКРЯ]

Бедный Лазарь терпел большие *скорби* и за это особо прославлен Богом. [Жить по воле Божией // "Журнал Московской патриархии", №9, 2004 НКРЯ]

Чтобы разобраться в том, какова специфика понятия, обозначаемого словом *скорбь*, нужен анализ сочетаемости и соотношения с синонимами. Выводы из такого анализа, по-видимому, будут интересны и богословам, для которых понятие *скорбь* довольно расплывчато: они используют именно это слово интуитивно, но не могут выделить особенности понятия *скорбь* по отношению к понятиям *горе*, *несчастье* или *беда*. Здесь язык знает о понятии больше, чем специалист. Таким же свойством обладают и

³ Автор благодарит создателей «Национального корпуса русского языка» (<http://ruscorpora.ru>) за появившуюся у лингвистов возможность легко отыскивать нужные для работы употребления русских лексических единиц.

многие другие слова, например, очень специфическое слово русской религиозной традиции *милость* («Ибо Я *милости* хочу, а не жертвы» [Ос. 6:6]), имеющее иное означающее, нежели слово *любовь*, тогда как, например, в немецком эти понятия не различаются.

Наиболее сложно разделить два типа информации для предметных существительных, т. к. они расположены на противоположном полюсе лабильности. Приведу таблицу, позволяющую для нескольких простых слов сравнить толкования лексикографов разных периодов:

Даль 1863-1866	Ушаков 1935-1940	Ефремова [2000]
Слон: Известное огромностью своею животное жарких стран.	Крупнейшее млекопитающее с длинным хоботом, двумя бивнями и очень толстой кожей.	Крупное травоядное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями.
Стол: Утварь домашняя, для поклажи, постановки чего. В столе отличают: столешницу, верхнюю доску, и подстолье, а в этом: обвязку (иногда с ящиком) и ножки, иногда с разнотками.	Предмет домашней мебели, представляющий собою широкую поверхность из досок (деревянных, мраморных и др.), укрепленных на одной или нескольких ножках и служащий для того чтобы ставить или класть что-н. на него.	Предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на одной или нескольких ножках (иногда с ящиками, тумбочками), на который кладут или ставят что-л.
Стул: Известная домашняя утварь для одиночного сидения.	Род мебели для сиденья, снабженной спинкой (для одного человека).	Предмет мебели на ножках и со спинкой, предназначенный для сидения одного человека.
Мышь: Mus, родовое название из семьи грызунов.	Небольшой грызун из семейства мышиных, с острой мордочкой, черными глазами, усиками и длинным, почти голым хвостом.	Небольшой грызун, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным хвостом.
Крыса: Докучливое	Грызун, всеядное млекопитающее из той же	Вредный —

<p>в домах животное, домовая крыса, двух видов: малая или черная, <i>Mus rattus</i>.</p>	<p>породы, что и мышь, но гораздо больших размеров, с темносерой шерстью и голым хвостом, водящееся преимущ. в жилых помещениях. Крысы приносят громадный вред истреблением хозяйственных припасов.</p>	<p>значительно крупнее мыши — грызун семейства мышеобразных с длинным чешуйчатым хвостом.</p>
--	---	---

Из-за отсутствия возможности опереться на сочетаемость, авторы толкований предметных слов отбирают некоторое количество признаков понятия, при этом отбор производится в достаточной степени произвольно. Так, толкуя слово *слон*, помимо компонентов «животное» и «очень большой размер», Даль выделяет признак «жаркие страны», Ушаков – признаки «млекопитающее», «хобот», «бивни», «толстая кожа», Евгеньева – «млекопитающее», «травоядное», «хобот», «бивни». В реальности, для таких слов, по-видимому, просто не существует сигнификативного значения: означающее связано с означаемым вне какого-либо «наивного понятия». Оpozнание денотата носителем языка производится на основе личного энциклопедического понятия и конситуации. Как бы ни было составлено толкование, оно будет описанием энциклопедического, а не лингвистического понятия. Лексикограф должен хоть как-то связать слово с денотатом, поэтому для обозначений животных честным выходом было бы ограничить толкования латинским названием из биологической типологии, но такое решение принял только В. И. Даль. Лингвистически релевантными остаются семантическая корреляция «часть – целое» (именно ее отражают лексикографы, выделяя ножки стола, столешницу, хобот и бивни) и «гипоним – гипероним» (мебель, животное, грызун). Наиболее важно указание на ближайший когипоним, обозначающий понятие, тесно связанное в сознании носителя языка с толкуемым. Поэтому, описывая понятие *крыса*, лексикограф стремится указать признаки, по которым *крыса* отличается от *мыши*, и в толкованиях возникают абсолютно

«энциклопедические», не имеющие отношения к языку «хвосты» – «голый» и «чешуйчатый».

Не все предметные существительные лабильны. Функциональность, т. е. свойство обозначать нечто, включенное в жизнь человека, влечет наличие у объектов определенных функций, приближает их к действиям и создает наивное понятие. Поэтому толковать слово *стол* легче, чем *слон*, поэтому же определить лингвистические, а не энциклопедические признаки для слов *алтарь* и *амвон* легче, чем для слов *бес* или *старовер*.

Для *стол* лингвистическими являются компоненты «мебель», «поверхность», «опора», «деятельность человека», «сидеть»: «поверхность, являющаяся опорой для деятельности сидящего человека». Элемент «сидящий человек» влечет необходимость определенной высоты и пространства «под столом», куда можно было бы убрать ноги (поэтому стол не может иметь форму ящика), что технически решается при помощи ножек, но сами по себе ножки не важны. В вышеприведенные толкования включены энциклопедические компоненты: «горизонтальность» (между тем *парта* – вид *стола*), «ширина», «доска», «ножки». Наличие близких когипонимов сильно облегчает поиск дифференциальных признаков. То есть слово *стул* толковать легче, чем *стол*, потому что оно входит в ряд *мебель для сидения*: *стул*, *табурет*, *скамья* и др., а *стол* лишь в ряд *мебель*. На основе сравнения основные дифференциальные признаки выделить легче («сидеть», «спинка», «один пользователь»), именно поэтому толкование этого слова в большей степени совпадает в разных словарях. Функциональность важна и для животных, поэтому лексикографы последовательно сохраняют признаки типа «домашнее» или «вредное».

Единственное, что может сделать лексикограф по отношению к лабильным словам, – отследить структуру и количество информации для когипонимов. Например, при описании животных следует принять решение (это будет «волевое решение», т. к. научного не существует) о структуре типа: (1) латинское название, (2) дикое / домашнее (вид использования)

животное, (3) вид питания, (4) места обитания, (5) наиболее яркие признаки или повадки и др., а можно ограничиться пунктами (1) и (2) или любым иным набором. В религиозном словаре подобного рода унифицирующее решение пришлось принимать, например, для многочисленного ряда когипонимов «названия сект» (*анабаптизм, богомилство* и др.).

Таким образом, проблема различения наивного и энциклопедического понятий очень по-разному решается для разных типов слов, а для некоторых – наиболее лабильных – по-видимому, не релевантна.

1. Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 2005. — №1. — С. 3 — 30.

2. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь, Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., М. 1986, N2.

3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.

4. Лукьянова Н. А. Типология русских лингвистических словарей. Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 3. Вып. 1. Филология. Новосибирск, 2006.

5. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Москва – Вена, 1995.

6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый, второй и третий выпуски. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Языки славянской культуры, 1999, 2000, 2003.

7. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен. Москва. Русские словари. 2000.